

Глава 1

— Увы, никто не гарантирован от невзгод, — говаривала моя тетушка Аделаида, — но для леди существуют лишь два пути решения ее насущных проблем. Первый — выйти замуж, второй — найти работу, соответствующую ее происхождению и воспитанию. Третьего не дано.

В сложившейся ситуации я избрала второй путь, отчасти потому, что мне так и не представился случай испытать первый, вследствие чего в данный момент тряслась в поезде, который чрезвычайно медленно и уныло тащился через поросшие лесом холмы и зеленые луга.

Я пыталась представить себе, как могли бы воспринимать мою персону попутчики, случись им обратить на меня внимание, что, впрочем, казалось маловероятным. Но в этом случае они увидели бы молодую женщину среднего роста и не первой молодости (мне было уже двадцать четыре года) в коричневом шерстяном платье с кремовым кружевным воротником и отороченными кружевом манжетами. (Кружева были кремовыми, поскольку, по мнению моей тети Аделаиды, этот цвет намного практичнее белого.) Моя черная накидка была расстегнута у горла, потому что в вагоне было довольно жарко, а коричневая бархатная шляпка, завязанная бархатными лентами того же цвета под подбородком, увенчала бы какую-нибудь грациозную особу вроде моей сестры Филлиды, но, как мне казалось, была совершенно неуместна на такой голове, как моя. Густые, медного оттенка волосы, разделенные на прямой пробор, опускались вниз по обеим сторонам моего слишком длинного лица и были собраны сзади, в результате чего у меня на затылке чуть пониже шляпки торчал весьма обременительный узел. Большие глаза при определенном освещении принимали цвет янтаря и являлись, пожалуй, наиболее привлекательными на моем лице, но были слишком дерзкими,

по словам тети Аделаиды, утверждавшей, что они напрочь лишены жеманства, так украшающего любую из дочерей Евы. Нос мой был слишком коротким, а губы — слишком полными. По правде говоря, я считала, что ни одна черта моего лица не сочетается с другой, а следовательно, необходимо смириться с перипетиями, подобными нынешней, и с неизбежными переездами от одного места работы к другому. Мне предстояло совершать их до конца жизни, поскольку, не имея возможности ступить на путь номер один — успешное замужество, я была вынуждена обеспечивать себя вполне самостоятельно.

Поезд оставил позади зеленые луга Сомерсета и углубился в царство вересковых пустошей Девоншира. По словам тетушки, где-то в этих краях меня ждала незабываемая встреча с шедевром мистера Брюнеля¹ — мостом, переброшенным через реку Тамар у городка Сэлташ. Когда поезд минует его, Англия останется позади, и я окажусь в графстве Корнуолл.

В предвкушении момента пересечения этого знаменитого моста мое волнение достигло каких-то невероятных размеров. В те времена я была довольно здравомыслящей женщиной. Возможно, позднее я изменилась вследствие обитания в таком доме, как «Маунт Меллин», что уже само по себе было способно лишить душевного равновесия даже самых рассудительных людей, но тогда я не могла понять, с чего это вдруг так разволновалась.

«Это абсурдно», — говорила я себе. Пусть этот «Маунт Меллин» и в самом деле роскошный особняк, а Коннан Тре-Меллин, его владелец, так же романтичен, как собственное имя, но меня это в любом случае не касается. Буду жить тихой размеренной жизнью в комнатухе под лестницей или, быть может, где-то на чердаке, заниматься малышкой Элвин и ничем более...

«Какие, однако, странные встречаются имена!» — размышляла я, глядя в окно. Пустоши были залиты ярким солнечным светом, но вершины отдаленных холмов почему-то казались зловещими. Они напоминали испуганных людей.

¹ Изамбард Кингдом Брюнель — выдающийся британский инженер первой половины XIX века. (Здесь и далее примеч. пер.)

Семья, в которой мне предстояло жить и работать, была корнуоллской, а у них, корнуоллцев, оказывается, есть свой собственный язык. Возможно, мое имя, Марта Ли, им покажется странным. Марта! Я вздрагивала всякий раз, когда его слышала. Тетя Аделаида именно так меня и называла, но дома, когда был жив отец, ни ему, ни Филлиде это и в голову не приходило. Для них я всегда была Марти. Мне казалось, что Марти заслуживает намного больше любви, чем ее когда-либо суждено получить Марте. Было грустно и немного страшно, так как я чувствовала, что река Тамар надолго разлучит меня с Марти. На новом месте я, скорее всего, стану мисс Ли, возможно, даже просто мисс или совсем уж пренебрежительно — Ли.

Все началось с того, что кто-то из многочисленных знакомых тети Аделаиды прослышал о «затруднительном положении» Коннана Тре-Меллина. Он нуждался в человеке, который помог бы ему решить домашние проблемы. Требовалась женщина, достаточно терпеливая, чтобы заботиться о его дочери, достаточно образованная, чтобы обучать ее, и при этом достаточно благородного происхождения, чтобы ребенок не страдал от чрезмерной близости чуждого по духу человека. Это означало, что Коннан Тре-Меллин нуждается в аристократке из разорившегося рода. Тетя Аделаида решила, что я вполне соответствую его требованиям.

Когда умер наш отец, служивший викарием в одном из сельских приходов, тетя Аделаида со всей решительностью забрала нас в Лондон. Двадцатилетней Марте и восемнадцатилетней Филлиде, сообщила она нам, пора в конце концов увидеть свет. Моя младшая сестра вышла замуж к концу первого же сезона, а я прожила с тетей Аделаидой четыре года, которые так и не завершились брачной церемонией. И вот настал тот день, когда мы с ней избрали второй из двух возможных вариантов моего дальнейшего существования...

Поезд приближался к Плимуту. Вскоре мои попутчики покинули вагон, и я, оставшись одна, рассеянно наблюдала через окно традиционную вокзальную суету.

Уже раздался свисток, возвещающий отправление поезда, когда в купе вошел молодой мужчина. Он посмотрел на меня

с извиняющейся улыбкой, как бы выражая надежду на то, что я не буду возражать против его присутствия. Я отвела глаза.

Когда мы покинули Плимут и уже приближались к мосту, он произнес:

— Вам нравится наш мост, не правда ли?

Это был человек, которому еще не исполнилось и тридцати, хорошо одетый, хотя костюм выдавал в нем сельского джентльмена. Темно-синий фрак, серые брюки, а такие шляпы, как у него, в Лондоне называли котелками из-за их сходства с вышеупомянутым сосудом. Эту самую шляпу он положил на сиденье рядом с собой. Не знаю, почему именно, но мне он показался несколько неопрятным. В его карих глазах мерцала ироническая усмешка, будто бы он отлично представлял себе все предостережения тетушки Аделаиды относительно нежелательности каких бы то ни было разговоров с незнакомцами.

Я ответила как можно более ровным голосом:

— Да, разумеется. Думаю, это чудный образчик инженерного мастерства.

Он улыбнулся. Мы пересекли мост и въехали в Корнуолл.

* * *

Его карие глаза откровенно изучали меня, и я остро ощутила всю серость и невзрачность собственной внешности. Должно быть, он интересуется мной только потому, что ему здесь больше не на кого обратить внимание, думала я. И вспомнила, как когда-то Филлида сказала, что я отталкиваю от себя людей, давая понять, будто интерес к моей персоне может быть вызван только отсутствием в данный момент более подходящих объектов. «Если ты считаешь себя недостойной внимания, то и не будешь его достойна», — изрекла тогда Филлида.

— Далеко едете? — поинтересовался попутчик.

— Пожалуй, нет. Я выхожу в Лискерде.

— А, Лискерд. — Он вытянул ноги и перевел взгляд с меня на носки своих ботинок. — Вы из Лондона? — продолжал он.

— Да.

— Вам будет не доставать суеты большого города.

— Я когда-то жила в деревне, следовательно, представляю, что меня ждет.

— Вы намерены остановиться в Лискерде?

Я не была уверена в том, что мне нравится этот допрос, но опять припомнила слова Филлиды: «Марти, ты слишком резка с противоположным полом. Ты отпугиваешь его».

Я решила быть, по крайней мере, вежливой, поэтому ответила:

— Нет, не в Лискерде. Я еду на побережье, в маленькую деревушку под названием Меллин.

— Понятно. — Он помолчал несколько мгновений, снова переключив свое внимание на носки ботинок.

Последующие его слова изумили меня.

— Думаю, такая здравомыслящая юная леди, как вы, не верит в ясновидение... и все такое прочее?

— О чем это вы?.. Что за странный вопрос? — проямлила я.

— Вы позволите взглянуть на вашу ладонь?

Я заколебалась, с подозрением уставившись на него. Можно ли в таких ситуациях давать руку незнакомцу? Тетя Аделаида тут же заподозрила бы его в гнусных помыслах. И, по моему, в данном случае была бы права. В конце концов, я была существом женского пола, к тому же единственным в его поле зрения.

Он улыбнулся.

— Поверьте, моим единственным желанием является беглый взгляд в ваше будущее.

— Но я не верю в подобные вещи.

— И все же, позвольте...

Незнакомец наклонился вперед и осторожно взял меня за руку.

— Я вижу, — произнес он, склонив набок голову, — что вы приблизились к поворотному моменту своей жизни. Вас ожидает новый мир, совершенно непохожий на тот, к которому вы привыкли. Надо будет проявить осторожность... крайнюю осторожность.

Я недоверчиво улыбнулась.

— Вы видите, что я куда-то еду. Что бы вы сказали, если бы я сообщила, что еду навестить родственников, а значит, меня никак не может ожидать этот ваш новый мир?

— Я бы сказал, что вы не слишком правдивая юная леди.

Его улыбка была невероятно озорной и невольно вызывала симпатию. Я подумала, что передо мной, скорее всего, довольно безответственный человек. В то же время он был таким беззаботным, что это свойство почему-то передалось мне.

— Нет-нет, — продолжал он. — Вы едете в новую жизнь, к новому месту работы. Тут ошибки быть не может. Прежде вы вели уединенную жизнь в деревне, потом переехали в город...

— Мне кажется, это прямо вытекает из того, что я вам рассказала.

— Вы могли ничего не рассказывать. Но ведь нас прежде всего волнует отнюдь не прошлое, ведь так? Мы думаем о будущем.

— И какое же оно, это будущее?

— Вы едете в очень странный дом, полный зловещих теней. Вам придется быть настороже, мисс... э...

Он сделал паузу, но я так и не произнесла того, что он собирался услышать.

— Вы должны зарабатывать себе на жизнь, — продолжал незнакомец. — Я вижу там ребенка и мужчину... Возможно, это отец ребенка. Их окутывают тени... Есть кто-то еще... но, возможно, она уже умерла.

Его глухой замогильный голос заставил меня зябко передернуть плечами.

Я отдернула руку.

— Какие глупости!

Он проигнорировал мои слова. Затем продолжил, слегка прикрыв глаза:

— Придется присматривать за малышкой Элис, но в ваши обязанности будет входить нечто большее, чем уход за ней. А еще вам следует остерегаться Элис.

Я ощутила легкое покалывание, которое началось у основания позвоночника и будто проползло вверх по спине до самой шеи. Это, по всей вероятности, было именно тем, что принято называть пробежавшими по спине мурашками.

Малышка Элис! Но ее зовут вовсе не Элис, а Элвин. На мгновение мне стало не по себе, потому что имена звучали очень похоже.

Затем я почувствовала раздражение. Возможно, даже немного рассердилась. Неужели у меня на лбу написано, что я бедная аристократка, которой ничего другого не остается, кроме карьеры гувернантки?

Незнакомец по-прежнему сидел откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза. Я опять устала в окно, всем своим видом давая понять, что ни он сам, ни его смехотворные прощелочки меня нисколько не заинтересовали.

Он открыл глаза и, достав из кармана часы, некоторое время с самым серьезным видом изучал циферблат.

— Через четыре минуты, — произнес этот странный человек, — мы будем в Лискерде. Позвольте, я помогу вам вынести вещи.

Он снял с полки мои дорожные сумки. «Мисс Марта Ли» — было отчетливо написано на ярлыках, «Маунт Меллин. Меллин. Корнуолл».

Незнакомец, похоже, даже не взглянул на эти ярлыки, и я решила, что он утратил ко мне интерес. Когда поезд остановился, он вышел из вагона и поставил мои вещи на платформу. Затем снял шляпу, которую надел перед тем, как взять сумки, церемонно поклонился и покинул меня.

Бормоча ему вслед слова благодарности, я заметила спешащего в мою сторону пожилого джентльмена.

— Мисс Ли! Мисс Ли! Так значит, вы и есть мисс Ли?! — восклицал он, и я на мгновение забыла о своем попутчике.

Передо мной стоял жизнерадостный маленький человечек с загорелым морщинистым лицом и карими, с рыжинкой, глазами. Он был одет в вельветовый пиджак. Из-под шляпы, сдви-